

№ 3

март
1961г.

3
м а р т 1961

Оптима

литературно-художественный
журнал

Орган литературного содружества
„О П Т И М А“

Ленинград

СОДЕРЖАНИЕ:

1. К. ГОРЕВ	- ФРАГМЕНТ	4
2. Э. ШНЕЙДЕРМАН	- ГОСУДАРСТВО ПОЭЗИЯ.	11
	1. ПОЭЗИЯ - ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА.	
	2. СКЕРЦО	
	3. ПОДПОРКИ РУХНУЛИ.	
	ФЛЕЙТА В ДЖАЗЕ	
	1. ЭТА ПЛАСТИНКА.	
	2. В ЗАЩИТУ ФЛЕЙТЫ.	
	СОНЕТ	
	ВЕСЕННЯЯ СКОРОПЬСЬ.	
3. Г. ПЕТРОВ	- НЕЗНАКОМАЯ ЗЕМЛЯ.	22
4. Н. РУБЦОВ	- НА ПЕРЕВОЗЕ	23
	ЛЕВИТАН	
	СТАРЫЙ КОНЬ	
	УТРО ПЕРЕД ЭКЗАМЕНОМ	
	РАЗЛАД	
	"Я ЗАБЫЛ КАК ЛОШАДЬ ЗАПРЯГАЮТ"...	
5. О. ЗАБОКРИЦКАЯ	- "БИТТ-БОЙ" - ПРИНОСЯЩИЙ СЧАСТЬЕ".	29
6. Л. МИХАЙЛОВ	- ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ "МАРСОВО ПОЛЕ".	34
	"НА ПЕРЕКРЕСТКЕ, НА УГЛУ..."	
	"СЕГОДНЯ, - ПО ПОВЕРЬЮ. . ."	
	"РОСА ЛУГА ПОСЕРЕБРИЛА. . ."	
7. Ю. БОГДАНОВ	- ДОЛГО НЕ БЫЛ Я ДОМА.	38
8. Э. В.	- БАЛЕТ ШВАРЦА "НАКАНУНЕ".	39

ФРАГМЕНТ

"Любимая - жуть! Когда любит поэт,
Влюбляется Бог неприкаянный..."

/Б.Пастернак/

1915 год. Июль. Поэт Владимир Маяковский работает над своей первой поэмой "Облако в штанах".

"Июль 915-го года. Радостнейшая дата. Знакомлюсь с Бриками".

В поэме появляется строка:

"::: Мама!

Ваш сын прекрасно болен!

Мама!

У него пожар сердца.

Скажите сестрам, Люде и Оле, -

Ему уже некуда деться..."

С этой строки начинается большая лирика трагического звучания. Она является прологом к таким крупным произведениям поэта, как: "Флейта-позвоночник", "Человек" и звучит в ряде отдельных стихотворений.

"Флейта-позвоночник" - поэма насквозь лиричная. Главный её герой - любовь - большая, мучительная, всецело захватывающая человека. Поэт возродил лирическую тему любви, которая измелечала и потерялась после Пушкина, Лермонтова, Тютчева.

В поэзии буржуазных декадентских поэтов эта тема была опущена, сведена к сексу. Любовная лирика - самое трудное в поэзии, здесь можно сбиться на обнажённую физиологию чувства, на порнографию.

5

Известный в те годы поэт В. Шершеневич так писал о женщине
"Женщины! помните, как в бандероль,
Вас' завертывал в ласки я, широкоокий,
И крови красный алкоголь
Из жил выбрызгивал в строки.
И плыли женщины по руслам строк
Баржами гружеными доверху,
А они вымеряли раскрытым циркулем ног:
Сколько страсти в душе у любовника?"...

Тема любви в раннем творчестве Маяковского имеет трагическое обрамление, городской пейзаж подчеркивает грубость, грязь, обман окружающей действительности. Через всю поэму леймотивом звучит строка: "Куда уйду я?"

Молодой, красивый, двадцатидвухлетний поэт, в душе которого "ни одного седого волоса", влюбился в замужнюю женщину. Влюбился по-настоящему, как можно влюбиться только раз в жизни.

"... стою,
огнем обвит
на несгорающем костре
немыслимой любви"...

/ "Человек" /

Что бы он ни делал, думы его о ней, он уже не рад, что встретил её, "проклятую, накрашенную, рыжую". Как и всегда в таких случаях, приходит мысль о самоубийстве:

"... Радуйся,
радуйся,
Ты доканала!
Теперь
такая тоска

что только б добежать до канала
и голову сунуть воде в оскал..."

Им овладевает страшнейшая ревность. Ему хочется подкрасться
к их спальне, хочется быть дерзким, грубым, но...

"... А я вместо этого до утра раннего
в ужасе что тебя любить увели,
метался
и крики в строки [✓]выравнивал,
уже наполовину сумасшедший ювелир..."

В воспаленном мозгу возникает мысль об убийстве соперника:

Нашел!
Теперь пускай поспит.
Рука,
Кинжалом жало стиснь!
Крадусь,
приглядываюсь -
и опять
люблю
и вспать
иду в любви и в жалости"...

/Человек/

"Ох, эта /это как выдох. С солнцем пришло облегчение/
ночь!"

Ревность. Иные говорят, что это вредный пережиток. Другие
указывая на пример Отелло, как бы говорят: "вот как это кончается". Третьи, более умные, говорят: "Ревность - признак сильной
любви".

Разве не с этим мы столкнулись и здесь? Любовь делает героя ранних поэм Маяковского дерзким и грубым, дает ему ноу, и она же мешает ему сделать последний, страшный шаг /убийство соперника и пр./.

Мы слышали его предсмертное "Люля - люби меня".

В последних его стихах-развитие этой же большой лирической темы. Спокойное, безнадежное отчаяние.

Море уходит вспать,

Море уходит спать,

Как говорят - "инцидент исчерпан",

Любовная лодка разбилась о быт.

С тобой мы в расчете

И не к чему перечень

Взаимных болей, бед и обид.

Первые две строчки передают ощущение близкого конца, каламбуром "как говорят - инцидент исчерпан" - поэт снимает все слезные и жалкие словечки.

Когда мы прочтем весь этот предсмертный стих, состоящий из 5 частей /последняя обращена к потомкам: "Я знаю силу слов..", то как-то невольно вспомним строчку из "Облака"

" - А самое страшное

видели -

лицо мое,

когда

я

абсолютно спокоен?..."

Внешнее спокойствие передают и такие раздумчивые строки из этого же стиха:

Уже второй, должно быть, ты легла.
 В ночи Млечпуть серебряной Окою
 Я не спешу и молниями телеграмм
 Мне незачем тебя будить и беспокоить.

-.

Ты посмотри какая в мире тишь,
 Ночь облажила небо звездной данью,
 В такие вот часы встаешь и говоришь
 Векам, истории и мирозданью".

Но эти строки не могут прикрыть собой одну страшную
 и звенящую на пределе " любовная лодка разбилась"

Любовная лирика – самая трудная тема поэзии. Почти всегда
 она переплетается с личными переживаниями поэта, может быть
 поэтому в нашей поэзии так мало произведений подобного плана.

Щипачевское: "Любовь – не вздохи на скамейке

И не прогулки при луне"

напоминает трафаретный плакатик: "Не прыгайте на ходу в трам-
 вай".

Из русской поэзии советского периода любовная тема наш-
 ла отражение в произведениях Б.Пастернака/"Марбург", "Разрыв"/
 К.Симонова /"Пять страниц"/, П.Севака /"Нелегкий разговор"/.

Но мы немного отвлѣклись:

Итак, "Флейта-позвончик" – произведение лирического плана,
 Маяковский, как и всякий большой поэт, не в состоянии отделить
 личное от общественного. Иными словами, тема любви раскрывает-
 ся в социальном плане. Это социальное несколько не мешает
 поэту показать всю силу своей любви, переживаний, а наобо-
 рот, создает кровавый, грязный, деляческий фон. По силе

страсти и остроте обличения капиталистического строя наша поэзия не знает ничего равного поэмам Маяковского "Облако в штанах", "Флейта-позвоночник", "Война и мир", "Человек".

Сильный,
понадоблюсь им я-
ведят:
себя на войне убей!
Последним будет
твое имя,
запекшееся на выдранной ядром губе.

.....

Знаю,
Каждый за женщину платит.
Ничего,
если пока
Тебя вместо шика парижских платьев
Одену в дым табака". . .

В "Облаке" социальная тема звучит сильно и революционно. "Флейта-позвоночник", пожалуй, самая трагедийная поэма Маяковского, может быть потому, что в ней отразились первые чувства любви поэта к Лиле Брик. Познакомился он с ней в июле, а поэма написана в период с августа по октябрь.

Все поэмы этого периода посвящены ей.

В стихотворном послании "Лиличка!", написанном 26 мая 1916 года, выражение любовной страсти достигает небывалой высоты.

"Впервые,
руки твои, иступленный, гладил"
а потом: "В мутной передней долго не влезет
сломанная дрожью рука в рукав".

.....

И в пролет не брошусь,
 И не выпью яда,
 И курок не смогу над виском нажать.
 Надо мною,
 Кроме твоего взгляда,
 Не властно лезвие ни одного ножа.

.....

Кроме любви твоей
 Мне
 Нету солнца,
 А я и не знаю, где ты и с кем".

Несмотря на то, что поэма полна трагедийности, безисходности, полусумасшествия героя, в ней чувствуется оптимизм. Это очень важно.

Поэт работает для будущего, для потомков. И ему помогает любовь — большая, всеобъемлющая, нечеловеческая.

В праздник красьте сегодняшнее число.

Творишь,

Распятью равная магия.

Видите —

гвоздями слов

Прибит к бумаге я.

Недавно один наш поэт назвал любовь шестым чувством.
 Сказано великолепно.

Государство { Эдуарда
Поэзия. Шнейдерман

1. Поэзия - Великая Держава.

Поэзия - могучая держава,

Всегда воюет - этим и сильна.

Ведется

справедливая война

Против всего, что устарело, ржаво,

Но все-таки топорщится,

чадит

И копошится,

новому мешая.

Поэзия всю нечисть разглядит,

Всю вытащит на свет, украсит

лишняя.

Как видите, задача пребо́льшая.

Борьба не только ПРОТИВ, но и ЗА:

За то, чтоб человек во все глаза

Глядел на мир - учился красоте;

За то, чтоб верен был большой мечте;

Большой работой ту мечту добыл;

Большой любовью вырвал у судьбы,

Большое счастье;

до скончанья века

Людей любил

и нужен людям был.

Итак, борьба идет за человека.

Войди

в эту прекрасную страну,

Пройди её насквозь, но не беспечно, -

Пойми её - проникни в глубину.

Пойми её и -

я не обману -

Союзником останешься

навечно.

14
13

П. Скерцо.

Совсем недавно дело было.
Зашел к поэтам в гости я.
И с чистюньешеским пылом
Всех перебрал - от А до Я.

Там был Офронов немудреный,
Сюсюкающий Ипачёв,
Был Шанин Лев - но лев варёный,
О ком не спросят и - почём,
Там пушкинствующий М. Удин
Во-всю дудел в свою дуду,
Там был Ыленков - чудо нуди,
Мирнов - касторка на меду,
Ахарченки и Олматовские,
Осюра, Лебка, Анк, Ахан,
Там были шуточники плоские
И тигры не страшной ула.
Бедняги пылью покрывались,
Но ни за что

не продавались.

14

III. Подпорки рухнули.

Подпорки рухнули. Унылая пора
Хвалебных строф

прошла, хоть не бесследно.

Поэзию штурмует на-ура
Вчерашняя шальная детвора,
А борзописец

вид имеет бледный.

Чувствятинку за чувство выдавая,
Читателю дерьмо совал он в рот.
Любителей поэзии кривая
Полезла вниз. -

Печальный поворот!

Настроившись на монотонный лад,
Редактора внимали нудной музе,
И всякий зарифмованный доклад
Печатался

в писательском союзе.

За годы накопилось их -
не счесть,

Ах полки стонут в книжных магазинах.

У автора - чины, деньгата, честь.

Но все это - как шарик из резины.

Увы ему! Он будет погребен

Под тоннами своей макулатуры,

И книголюбов будущих времен
Лишь ужаснут безликие халтуры.
Но - рухнули. Безбедная пора
Шаблонных строф

прошла. -

Давно пора!

Вчерашняя мальная детвора
Поэзию итурмует на-ура.

{Флейта в джазе. I Эта пластинка.}

Я слушаю джаз, где маленькая Флейта
Солировала. Грустный голосок
Был одинок. Вокруг пылало лето,
Жег вной. — Вертелось страсти колесо.
Фагот и саксофон поочередно
Её учили джазовой любви.
Звучали слитно, шлягер — ультрамодный,
Но унисона я не уловил.
Она была вне оркестровой связи, —
Не джазовой была её душа.
А барабан притопывал в экстазе,
Прищепывали щётки: "Хороша!",
Трамбоны сиши. —

Девочка все выше,
Вот-вот сорвется — голосок дрожит.
"Беги от них!" — кричу.

Она не слышит. —
Безумный ритм ей голову кружит.
Вот обступили с хохотом и свистом,
Чего-то требуют, чего-то ждут.
И потерялся Флейты голос чистый
В хохочущем и плачущем аду.
... И я разбил проклятую пластинку.

II. В защиту Флейты.

Н.Р.

Джаз,

Не надо Флейту развращать!

Она тоненькая, хрупкая,

Грустные Глаза,

Голос серебряный, чистый, холодный

Как ручеек -

Девочка она,

Девочка из симфонического оркестра.

Зачем

отбили её от своих?

Не надо Флейту развращать, джаз,

Не надо!

Мало вам своих женщин? -

Голосистой Банджо, веселой Банджо,

танцующей Банджо. . .

А у Гитары какие бедра

Роскошные!

Какие бедра у Гитары!

А саксофонши!

Это воплощение страсти,

Сама страсть! . . .

Звонкоголосая блестящая труба

Способна быть любовницей отменной . . .

Мало вам своих женщин, джаз?

Мало?

Что же вы делаете, джаз, оставьте,
Оставьте Флейту -
Вы, братья Саксы,
Хохотуны и плакальщики, добряки в душе;
Вы, братья Барабаны,
Драчливые, большие кулаки, но славные ребята;
Ты, губошлеп **Фагот**,
Рассказчик анекдотов;
И ты, бронеет Кларнет,
Рот до ушей, любитель поболтать, позубоскалить;
Ты, тучный Контрабас,
Большой чревоугодник и флегматик;
Ты, разбитной Рояль,
Со всеми в дружбе, душа компании, -
Джаз,
Оставьте маленькую Флейту
Грустного голосу,
Оставьте девочку из симфонического оркестра!

Сонет

Н.Р.

Не внешний блеск, не пышные сравнения, -

Не то! - незаменимые слова

Найти для одного стихотворенья,

Пусть от натуги лопнет голова.

Шершавые, но не из наждака,

Весомые, но не из мертвой стали, -

Так обнажить, чтоб строки трепетали,

Дышали, жили,

чтоб - наверняка.

Всю боль, всю страсть собрать в таком порыве,

Чтоб стих, сойдя с бумаги как живой,

Вбежал к Тебе,

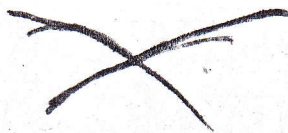
из безразличья вывел;

Чтобы, достав до сердца твоего,

Зажег любовью

сердце и рассудок.

Найти! Найти! Я верю в это чудо!

Весенняя скоротись.

Везде весна.

Уж по мосту стрекочут вело,

А по Неве уходят льдины

Колонной длинной.

Мне до всего сегодня дело:

До этих льдин,

Которые апрель

Сосет

Как карапузик - карамель,

И до садов,

Закрытых на просушку,

И до влюбленных,

И без того которым места мало,

А тут еще таблички "Сад закрыт" . . .

И напевать!

Гуляют где попало:

Кто робче -

Улицами,

Набережной, -

Низом;

А кто смелее -

Прямо по Неве,

По воздуху,

По крышам,

По карнизам . . .

Мучительное время Года.

Томительные вечера.

Не просит -

Требует

Погода:

"Туляйте!

Шляйтесь до утра!"

А тут еще бесенок - месяц,

Начистя рожки,

С неба сваясь,

Так рассиялся -

Не взглянуть, -

Он заворачивает путь,

Влюбленным губы серебрит,

На поцелуй подстрекает;

Через него кругом

такая

Взаимовлюбчивость

Царит

Немыслимое время Года!

Неслыханные вечера!

Незнакомая земля.

Геннадий
Петров

22

В вагоне — как в дульном мешке.

Быть бы солнцу скупей!

— Скоро Ташкент! —

Ликует сосед в купе.

У него на халате — сто полос,

Сто дорог в чудесной стране.

У него тобетейка черней волос,

Тобетейки — глава черней.

Усталый поезд берет разбег,

Словно конь, если дом узнал.

Прирос к окну мой сосед-узбек

И в глазах у него — весна.

А там, за окном, ни цветов полевых,

Ни веселых берез вдали:

Пыльный букет колючей травы

В сухих ладонях земли.

Она для меня — незнакомка в толпе:

Ни одной черты родной.

Горячий характер её стерпеть,

Видно, не всем дано.

Но я с уваженьем на медь песка

Смотрю и не шую век.

Земля узбека и мне близка,

Если так её любит узбек.

Николай
Рубцов.

На перевозе.

Паром.

Паромщик.

Перевоз.

И я с тетрадкой и с пером.

Не то, что паром паровоз,

Нас парой весел

вес

паром!

Я рос на этих берегах.

И пусть паром — не паровоз.

Как паровоз на всех парах,

Меня он в детство

перевез!

Левитан.

В глаза бревенчатым лачугам

Глядит алеющая мгла.

Над колокольчиковым лугом

Собор звонит в колокола.

Звон закольный и окольный,

У окон, около колонн.

Звон колоколен колокольный

И колокольчиковый звон.

И колокольцем

каждый

в душу -

Любого русского спроси! -

Звонит, как в колокол, не глуше,

Звон левитановской Руси!

Старый конь.

Хоть волки есть на волоке
И волок тот полог,
Едва он сани к Вологде
По волоку волок.

Все небо звездным пологом
Светилось. А ему
Кавался волок волоком,
Закутанным во тьму.

И все ж заржал он молодо,
Гордясь без похвалы,
Когда увидел Вологду
Сквозь заволоку мглы.

* Волок - дорога лесом.

Утро перед экзаменом.

Тяжело молчал валун-догматик
В стороне от волн. . . А между тем
Я смотрел на мир, как математик,
Доказав с десяток теорем.

Скалы встали перпендикулярно
К плоскости залива. Круг дунь.

Стороны вари равны попарно,
Волны меж собой не равны.

Вдоль залива, будто знак вопроса,
Дергаясь спиной и головой,
Пьяное подобие матроса

Вябло шло по ломаной кривой.

*Спотыкаясь даже на цветочках -
Тоже, тоже пьяная в дугу! -
Все-то равнобедренное догма
Двигалось, как радуга в дугу!*

Я подумал: это так ничтожно,
Что о них нужна, конечно, речь.
Но всегда ничтожествами можно,
Если надо, просто пренебречь.

И в пространстве,

Свежем, чистом, смелом,

Облако - из дальней дали гость -
Белым, будто выведенным мелом,
Заком бесконечности неслось!

Разлаз

Мы встретились у мельничной запруды.

И я ей сразу, прямо, все сказал.

- Кому, - сказал, - нужны твои причуды?

- Зачем, - сказал, - ходила на возкал?

Она сказала: - Я не виновата.

- Ну, да, - сказал я, - кто же виноват?

Она сказала: - Я встречала брата.

- Ха-ха, - сказал я, - разве это брат?

В моих мозгах чего-то нехватало.

Махнув на все, я начал хохотать.

Я хохотал, и эхо хохотало,

И грохотала мельничная гать.

Она сказала: - Ты чего хохочешь?

- Хочу, - сказал я, - вот и хохочу.

Она сказала: - Мало ли что хочешь!

Я это слушать просто не хочу!

А я молчал и криво усмехался,

Как всякий, кто ни в чем не виноват.

И вря в ту ночь сиял и трепыхался

В конце безлюдной улицы закат!

28

Я бабы, как лошадь запрягают.
И хочу её позапрягать,
Хоть они неопытных лягают
И до смерти могут залягать.
Мне не страшно,
мне уже досталось
От кобы и рыжих, и гнедых.
Знать не знали, что такое жалость,
Били в зубы прямо и в поддых.
Ох, запряг бы я сейчас кобытку!
И возил бы сено, сколько мог.
И потом втыкал бы вадно вилку
Поросенку жареному в бок!..

"Битт-Бой" — приносящий счастье.

"В теплый край,
Важный край.
Приплывем все равно"

"Встречаются существования, поставившие своей задачей за-
ставить других оглядываться на порохи и загадочный шопон неиссле-
дованного", — сказал Грин в одном из своих рассказов "Корабли в Лис-
се". Таков он сам. Всем написанным он заставлял смотреть, слушать
и не скупиться на жизнь, полную неразрешенных тайн. Прочитав любо-
его рассказ, задумываешься. Все вдруг начинаешь видеть заново. При-
вычное и обыденное приобретает обаяние. Обыкновенное, будничное,
становится праздничным. Читая, находишь столько новых мыслей,
столько хороших, теплых слов, делаешь столько открытий. Вот один
из его рассказов: "Корабли в Лиссе". Критики находят его не сов-
сем удачным, так как слишком ясно переплетаются две сюжетные линии
характерные для творчества этого писателя. Но я не критик, а вво-
нованный читатель и поэтому буду говорить о другом.

Все происходит в Лиссе, портовом городе, утопленном в зелени
и веселье. Это скопление парусных судов, авантюристов, контрабан-
дистов и моряков. У самого моря гостиница "Унеси горе". А в ней
капитаны. О каждом из них можно написать интереснейший рассказ.
У каждого своя большая и трудная жизнь. Это морские волки, кре-
щенные соленой морской волной, пропахшие ветрами всех стран света
суровые, крепкие на язык. Для них нет ничего в мире дороже сво-
го беспокойного труда и шума волн. Где бы ни попытались они остано-
вляться на берегу, каким бы делом ни занялись, пусть даже самым правед-

нам и сулящим спасение их прешним душам, властный призыв моря
заставит снова вернуться на корабль. Но лучше всего поймешь их,
если услышишь эту песню:

«Не ворчи, океан, не пугай.
Нас земля испугала давно.
В теплый край -
Южный край -
Приплывем все равно.

Припев:

Выпьем, тетка, по стакану!
Сдвинув душу на бокренъ
Джон Манишка без обмана
Пьет за всех, кому пить лень.

Ты, земля, стала
Рана в сердце. . . Седею. . . Прости!
Это твой
След такой . . .
Ну прощай и пусти.

.
Южный Крест там сияет вдали
С первым ветром проснется компас
Бог храня
Корабли
Да помилует нас!

Суда капитанов спасались в Лиссе от преследования неприятельских каперов. Только случай мог бы помочь им выбраться.

«Эх! Если бы Битт-Бой! . . .

Вдруг все обернулось к дверям. Вошел молодой человек. Много-много рук протянулось навстречу. Все восторженно приветствовало его. «Битт-Бой! Битт-Бой! Приносящий счастье. Повеселели капитаны, заулыбались их светлые детские души, которые они прятали так далеко.

«Есть люди, о которых говорят "легкая рука", "легкий че-

ным и сулящим спасение их бренным душам, влестный призыв моря
заставит снова вернуться на корабль. Но лучше всего поймешь их,
если услышишь эту ^спесню:

"Не ворчи, океан, не пугай.
Нас земля искутала давно.
В теплый край -
Южный край -
Приплывем все равно.

Припев:

Выпьем, тетка, по стака^м!
Сдвинув душу на бокрен^ь
Джон Манишка без обмана
Пьет за всех, кому пить лень.

Ты, земля, стала
Рана в сердце. . . Седею. . . Прости!
Это твой
След такой . . .
Ну прощай и пусти.

.
Южный Крест там сияет вдали
С первым ветром проснется компас
Бог храня
Корабли
Да помилует нас!

Суда капитанов спасались в Лиссе от преследования непри-
тельских каперов. Только случай мог бы помочь им выбраться.

"Эх! Если бы Битт-Бой! . . .

Вдруг все обернулось к дверям. Вошел молодой человек. Ме-
жество рук протянулось навстречу. Все восторженно приветствова-
ли его. "Битт-Бой! Битт-Бой! Приносящий счастье. Повеселели ка-
питаны, заулыбались их светлые детские души, которые они прят-
ли так далеко.

"Есть люди, о которых говорят "легкая рука", "легкий че-

31

ловек". "В обществе "легких людей" проще и ясней настроение. Их почин и наше дело тащит удачу за волосы".

Таким человеком был лодман Битт-Бой! За что бы ни брался он, какое бы это ни было трудное, опасное и рискованное дело - все всегда кончалось благополучно. Он накликал удачу. Битт-Бой "приносящий счастье" - так все звали его.

Режи - королева ресниц. Режи похожа на стройный солнечный луч. У ней застенчивые и гордые глаза. Режи и Битт-Бой.

Но Битт-Бой крадучись, потихоньку ушел от Режи. Ушел со слезами на глазах и "со скрученным воплем в душе". Он не может сделать Режи несчастной.

Он уходит на корабль. На таинственную "Фелицату". Никто не знал, куда идет она и какой на ней груз. Золото - предполагали все. Она стояла в порту как и другие корабли, так как выход из гавани был "заперт".

Командовал кораблем капитан Эскирос. "Экипаж задумчивых" - так называл он своих матросов. Битт-Бой не поехал с капитанами, сдавшими его в гостинице. Их корабли везли пеньку, кофе, табак. Эскирос же задумал свое путешествие. Битт-Бой твердо взял руль и повел корабль от берега, где заснула Королева ресниц. Судно благополучно проскочило неприятельский капер. Матросы повеселели и запели песню Джона Манишки, который без обмана пьет за всех, кому пить день.

Южный Крест там сияет вдали
С первым ветром проснется компас
Бог храня
Корабли
Да помилует нас!

Бескирос тоже был весел.

"Битт-Бой, — сказал он — Я думал о том, как должны быть счастливы вы сами, если чужая удача — сущие пустяки для вас. Слово бьет иногда насмерть". Битт-Бой побледнел. Жалко искажилось его лицо. Он обнажил грудь. Там, где сердце была язвенная безобразная опухоль". Рак.

Наверху пели. "Южный Крест там сияет вдали. Ветер захлопнул дверь и посыпались слова "Да помилует нас".

Три слова эти лучше и явственнее всех расслышал лоцман Битт-Бой — "приносящий счастье".

Герой совершает подвиг. Люди восхищены. Герой простой человек из той же плоти и крови, что и все остальные. Наверняка он не думает перед решающей минутой: "А мне трини-трава!" Его сердце сжимается от страха, а губы шепчут "Хоть бы... повезло! Хоть бы...! Битт-Бой приносит людям счастье. Он "легкий человек", ему сопутствует удача. Битт-Бой — барабанщик фортуны. Все оборачиваются на его имя.

Он стоит на палубе корабля. Матросы поют песню и яснее всего он слышит слова "Да помилует нас!"

В душе у барабанщика фортуны тревога, страх, боль.

Да, может быть судьба и помилует его, хоть немного. Он увидит много стран, людей, городов. Увидит цветущие сады и диковинные растения. Может быть все увиденное сделает боль разлуки не такой невыносимой. Может быть он еще подышит запахом моря, ветра.

Да, может быть судьба "помилует нас" — так наверное думал и Грин, но не дождался этого времени.

Битт-Бой — это Грин. Битт-Бой разъедала смертельная болезнь. Но он приносил людям счастье. Грина разъедала холодная, неустрашен-

ная жизнь. Скитание по кабакам, ночлежкам, тяжелая работа, от которой кровоточат руки и тупеет мысль, грубые насмешки и издевательства. А он — приносил людям счастье, учил мечтать, бодрил, звал на подвиги. Он поселял в человеке желание быть чистым, красивым, влюбленным в свое могущество. Поселял уверенность в то, что человек может делать чудеса своими руками.

Ибо приносить людям радость — это закон человеческой жизни. От этого закона не избавляют болезни и страдания. У этого закона нет смягчающих обстоятельств.

Вступление
к поэме
„Марсово
поле“

Гранит не горит,
Не греет он — холоден.
Гранитом накрытых
Кто укурит,
Кто —
в нашем городе ?

За подви- работу
Нас ценит народ...
Есть вера
Броковы,
Что страшен восход.
Есть музика плашен,
И плашен вадущивость;
Бажен
напменность
И города
скученность.
Тленность.
Бессмертье.
Есть люди
столетья.
Есть люди в конверте
Веселенькой дачи,
Базарной удачи.
Есть мужество
равных
В Кремле
и на шахте.
Есть раны,
есть травмы
И рифмы в плавате

Есть рай и смута,
Бомбы

и голуби,
Чинные комнаты,
Бани

и проруби.
Есть песни,

исторические
Слушать и рад,
И есть протоколы
В букетик цитат.
Есть парни - поэты
И парни

Победа,
Есть троны

по силам,
Есть гладкий

паркет, -
На Марсовом

поле
История след -.

На перекрестке, на углу,
Тде локти граждан колки,
На самом на виду
Стоит девчонка с челкой.

Стоит, прикрыв глаза
Завитыми ресницами,
И предлагает за ...
О горе бледнолицее,

Стоишь ты на краю!..
К стене девчонка пятится.
За красоту свою
В такси она прокатится.

И, в кулачок показывая,
Попросит сигарету...
А ей питаться б кашей,
Да маминой котлетой !

А ей бродить бы с мальчиком
По улицам красивым ...
Тоненькие пальчики
Подняли кружку с пивом.

К стеклу прильнули губы -
Неутолима жажда ...
Я бил мужчину в зубы,
Мне помогали граждане.

Она дрожала, плакала,
Просилась домой ...
Вх ты, конфетка -лакомка
С прикушенной губой !

✓ 37
Сегодня, — по поверью, —
Из лужицы у двери
Воробышки напились, —
Отчаянные звери.

А завтра, жмурясь сладко,
И выбрав, где поглубже,
Наш бык рябой напьется
Из потемневшей лужи.

Качнет рогами — страшно.
Копытом стукнет о земь, —
И на пригорках яркая
Зазеленеет озимь.

И вылезут старухи
На низкие завалинки.
Мальчишки с наслаждением
Закинут на печь валенки.

И стукнет сердце весело,
Дожди из тучи выльются,
И жарче, чем в Валенсии,
Любовь запляшет в Вырице.

Утром.

Роса луга посеребрила,
Но след темнеет на траве.
Кого-то солнце торопило,
Или не спалось вдове ..

Юрий Богданов

Долго не был дома...

Долго не был дома,
В стороне знакомой,
Где прошло все детство,
Словно невзначай.

Вновь я у порога,
На душе тревога.
Распахнул я двери:
Мамочка, встречай!

Две ладони старых,
От труда усталых
Обожгли мне щёки,
Словно два огня.
Мне казалось, сердце
Биться перестало.
Мог сказать лишь:
"Мама, милая моя!"

Ты не плачь, родная,
Трудно было, знаю;
Вижу, появилось
Сколько седины!
Но пойми — не мог я
Жить без Кустаная
И покоя нету
мне
без целины."

Улынулась мама:
Сын ты мой упрямый, —
И в груди прижала
Голову сильней. —
Не дерку тебя я
У гнезда родного.
Ты живи, сыночек,
Где стране нужней!"

Балет Шварца „Накануне“

Когда в кино или в театре видишь "оживших" героев знаковой и любимой книги, испытываешь чувство интереса и волнения. Часто в этом "ожившем" герое встречаешь новые черты, которые делают его глубже, полнее понять замысел автора. Правда, нередко бывает и так, что образ тускнеет, лишается своих привлекательных черт, становится неузнаваемым.

Образы Инсарова и Елены, знакомые с детства, нашли свое сценическое воплощение в балете Шварца "Накануне". Признаться, роман Тургенева казался менее всего подходящим для балета. Красивая закругленная тургеневская проза, бесконечные рассуждения, недостаточная динамичность действия и . . . балет. И, действительно, начало 1 акта разочаровывает. Неубедительным показалось и соло Елены, рисующее её любовь к природе и появление Берсенева и Шубина. Но вот начинается шутиливый танец Зои и Шубина. Музыка полна изящества, шаловливой грации. Образ Зои, едва намеченный в романе, получает в балете большее развитие. Каждое появление Зои сопровождается беззаботной, игривой музыкой, оживляющей действие балета и вносящей драматургический контраст. С момента первого выхода Зои и до конца балета почти не думаешь о "нетанцевальности" либретто и с искренним увлечением смотришь и слушаешь балет. Именно слушаешь, так как в балете много хорошей, выразительной и яркой музыки, особенно драматично звучащей в финале.

Музыка ленинградского композитора И.И.Шварца, либретто Белинского, постановщик и балетмейстер Бодровский, художник Бруни. Поставлен в Малом оперном театре.

В 1 действии очень удачно дано сопоставление тихой тургеневской усадьбы и страдающей, борющейся Болгарии. Задумчивой, несколько меланхолический вальс, скерцозная музыка в сцене игры горелки, наконец, неяркие, пастельные краски одежды /танцующих/ все контрастирует рассказу об Инсарове. Сцена погружается в мрак, вспыхивает багровый свет — точно отблески пожаров. В динамическом танце передана борьба болгар во главе с Инсаровым и турок.

В музыке пунктирный ритм, резкие гармонии, меняется оркестровка — на первом месте медные духовые.

II акт начинается картиной немецкого пикника. В музыке, рисующей грубоватое веселье немцев, мы узнаем песенку "Ах, мой милый Августин". Дальнейшее развитие II действия идет с нарастающей динамикой. Во второй картине / в спальне Елены / вся сцена задрапирована легкой белой тканью, которая создает впечатление необычайной легкости, воздушности. Елена полна сомнений, она в смятении. Неожиданно появляется Берсенов, он сообщает об отъезде Инсарова. Следующий эпизод — встреча у часовни — особенно драматичен в романе. К сожалению, тонкий психологизм романа, сила чувства героев не нашли здесь убедительного решения. Это касается и музыки, в которой хотелось бы услышать широкую, льющуюся мелодию, большую эмоциональную открытость.

III действие балета начинается карнавалом в Венеции. Яркие костюмы, безудержное веселье, блестящая темпераментная тарантелла. Это и музыкально, и сценически очень удачный фон, подчеркивающий трагическую смерть Инсарова. Музыка в сцене смерти звучит с подлинным драматизмом. Это одна из лучших страниц балета.

4
леза. Сопоставление жизнерадостной тарантеллы, пестрой толпы трагической гибели изгнанника воспринимаются с особенной глубиной и яркостью.

В целом балет Шварца можно назвать удачным, сценичным произведением. Композитору удалось искренне и правдиво передать чувства и переживания героев, глубоко раскрыть их внутренний мир, не обесцвечивая образов романа.

Редколлегия: Ким Горев,
Леонид Михайлов, Эдуард Шнейдерман

Адрес редакции: Ленинград, Д-18
Ул. Чайковского д. 8. кв. 4
Шнейдерман Э. М.